

Делла Сванхольм

Любовь тасманийской волчицы

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-311.3
ББК 84(0)6
Д29

Делла Сванхольм

Любовь тасманийской волчицы / Делла Сванхольм; худ.
Боттичелли С. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 156 с.

ISBN 978-5-532-97367-1

Может ли королевский гвардеец, охраняющий покой датских королей во дворце Амалиенбург и марширующий перед ними в знаменитой медвежьей шапке, влюбиться так, что весь остальной мир перестанет для него существовать? Но его сердце разбито на мелкие осколки, потому что его девушка ушла... нет, не к другому, а к другой, пожертвовав их любовью ради денег и карьеры. В отчаянии Кристиан готов податься хоть на край света - на остров Тасманию. Но именно там он встречает прекрасную Маргарет и влюбляется в нее. Вскоре девушка прилетает к нему в Данию, не подозревая, что по пятам за ней уже крадется убийца. Доверчивая Маргарет едва не поддается дьявольскому обаянию человека, который собирается уничтожить ее. И только принцесса Дании Мэри, тоже родившаяся на острове Тасмания, верит, что Маргарет сумеет обрести свое счастье и настоящую любовь. Но за них надо бороться – причем не на жизнь, а на смерть. «Любовь – это все что у нас есть, и только любовью мы можем помочь друг другу», – как сказал Еврипид.

ISBN 978-5-532-97367-1

© Делла Сванхольм, текст, 2021
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Кристиан Расмуссен снял форму королевского гвардейца, расправил синие брюки с широкой белой полосой и мундир и аккуратно повесил форму в шкафчик – до следующего раза, когда надо будет выходить на службу. После этого он вышел из казармы и огляделся. Служба была закончена, а день был замечательный: солнечный, в меру теплый, но не слишком жаркий, с легким ветерком, который дул со стороны пролива Эресунн.

Насвистывая песенку мексиканской певицы Глории Треви «Abranse Perlas», запавшую в голову после недавней дискотеки, Кристиан направился вниз, к парку Амалии, который узкой зеленой полоской вытянулся вдоль берега залива. Королевский замок Амалиенбург, построенный когда-то для той же королевы Софии-Амалии, супруги короля Дании и Норвегии Фредерика III, остался позади, а еще дальше возвышалась великолепная громада Мраморной церкви, увенчанной позеленевшей от времени медной крышей-куполom. Мраморную церковь строили больше ста лет, потому что денег вечно не хватало, но когда ее наконец освятили, копенгагенцы ахнули – такое архитектурное чудо они получили. Теперь в этой церкви любили венчаться все копенгагенские пары, и по пятницам и субботам очередь из молодоженов выстраивалась чуть ли не до самого дворца Амалиенбург. А с купола Мраморной церкви открывался захватывающий вид на Копенгаген, на пролив Эресунн и на соседнюю Швецию.

Кристиан Расмуссен удобно расположился на широкой деревянной скамейке, далеко вытянув ноги вперед. На другой стороне узкого пролива распласталось суперсовременное здание Новой оперы, похожее на пузатую бетонную сковородку, накрытую сверху квадратной крышкой. Расмуссен вздохнул. Может быть, именно таким и был замысел архитектора. Лично он не был от него в восторге. Ему гораздо больше нравился другой проект датского архитектора Йорна Утзона – знаменитое здание Сиднейской оперы, с ее крышей в виде распущенных на ветру парусов. Сиднейская опера стала одним из наиболее известных и легко узнаваемых зданий мира, символом и роскошной визитной карточкой Сиднея, а копенгагенская опера...

так и осталась бетонной кастрюлей, увенчанной несуразной квадратной крышкой.

Кристиан криво улыбнулся. Раньше перед парком королевы Амалии всегда стояли роскошные белоснежные круизные лайнеры, на которых датчане отправлялись в далекие экзотические страны или просто поплавать и позагорать зимой на Карибах. Теперь набережная была совершенно пуста. Из-за коронавируса вся круизная индустрия – а это были сотни кораблей и сотни тысяч человек обслуживающего персонала, от горничных до устроителей дискотек на борту – приказала долго жить. Никто не рисковал отправиться в когда-то привычное путешествие – люди слишком хорошо помнили печальную судьбу «Diamond Princess», которая первой попала на карантин в Йокогаме из-за одного зараженного пассажира, который сошел на берег в Гонконге, но успел перед этим заразить еще несколько человек. из-за которых все остальные сидели в порту в Японии под замком около двух месяцев, пока власти наконец не смиловались и не разрешили им улететь в свои страны.

Да, то, что было привычным еще вчера, сегодня стало невозможным. Или превратилось в недостижимую мечту. Но в Копенгагене жил один человек, который умел мечтать так, что силой своей мечты и своего обаяния сметал все на своем пути. И был признан мировым гением. Правда, уже после смерти – а смерть его от остановки сердца на фоне отравления опиумом и сифилисом на острове в далекой Полинезии была ужасна. Но начиналось все здесь, в Копенгагене, где Поль Гоген написал свои первые картины. При его жизни они были мало кому нужны – а сейчас за них заплатили бы десятки и даже сотни миллионов, если бы только они продавались. Но почти ничего из наследия Поля Гогена уже не продавалось – все быстро забрали себе музеи, привлекая к себе за счет этого тысячи восторженных посетителей. Одно из крупнейших собраний Гогена хранилось в Копенгагене в Новой глипготекке Карлсберга.

Новая глипготекка Карлсберга была создана и затем подарена Дании представителями знаменитой династии пивоваров Якобсенов, которые владели заводами «Карлсберг», где они варили пиво, а прибыль вкладывали в искусство. Собрание Якобсенов начиналось

с античных скульптур и коллекции этрусского искусства – крупнейшей за пределами Италии. Как и всякий датчанин, Кристиан Расмуссен знал, что это один из Якобсенов, Карл, подарил Копенгагену статую Русалочки, ставшую символом страны. А вот его сын Хельге Якобсен предпочитал французских импрессионистов и в особенности Поля Гогена. Благодаря его страсти в Глиптотеке и оказалась столь внушительная коллекция этого великого художника.

Собрать эти картины Якобсену удалось довольно легко: их продала владельцу Глиптотеки супруга художника, датчанка Метте-София Гад. Гоген сам оставил ей свои картины и скульптуры перед отъездом на Таити. Ведь он уезжал туда, полный самых радужных надежд на успех и писал Метте: «Уверяю, через три года я выиграю битву, и это позволит нам с тобой жить, не зная лишений. Ты будешь отдыхать, а я работать. И, может быть, когда-нибудь ты поймешь, какого человека дала в отцы своим детям».

Но чуда не случилось – Гоген умер на острове Хива-Оа из группы Маркизских островов, больной и совершенно одинокий.

Метте-София Гад родила Полю Гогену троих сыновей и двоих дочерей, но в итоге бросила его, посчитав не способным ни на что ничтожеством. Ведь когда он попытался продавать в Копенгагене французский брезент, у него ничего не вышло, а свою прежнюю карьеру преуспевающего биржевого маклера он забросил, чтобы полностью сосредоточиться на живописи. Но его картины не покупали, и семейство жены относилось к нему в лучшем случае с презрением. Когда Метте-София окончательно рассталась с ним, ее родственники только вздохнули с облегчением.

Как же глупо вели себя датские женщины в те давние времена... Или Метте-София была такой одной, а другая датчанка оценила бы Гогена по заслугам? Скорее всего... В истории Дании было немало женщин, которые вдохновляли своих мужей, стояли рядом с ними плечом к плечу и поддерживали во всем. Те же жены древних викингов, например – они вместе со своими мужьями шли в бой и воевали наравне с ними. Такую жену, как Метте-София Гад, наверное, просто не приняли бы в их среде...

«В этом и состоит ирония судьбы, – подумал Кристиан Расмуссен, подходя к зданию Новой глиптотеки Карлсберга, построенному Вильгельмом Далерупом. – Во время своей жизни Метте-София все время пеняла Гогену на то, что никто не знает его как художника – а теперь ее саму знают и помнят только потому, что она была женой Гогена».

В Глиптотеке в этот час было не так много народу, и Кристиан мог без помех наслаждаться любимыми полотнами. Среди них выделялась «Таитянская женщина с цветком» – замечательный портрет смуглой таитянки в синем платье, держащей в руке желто-красный тропический цветок. Задумчивый взгляд таитянки пробуждал мечту о путешествиях в дальние страны, где жили такие великолепные женщины и росли такие необычные цветы. Это был тот мир, в который стремился сам Гоген, которым он грезил, в которое находил вдохновение...

Кристиан Расмуссен медленно пошел вдоль рядов картин художника, которые, точно волшебные цветы, усеивали стены копенгагенской Глиптотеки. Эти картины, точно по мановению волшебного жезла, будили удивительные чувства, подстегивали незнакомые эмоции, звали в путешествие за своей мечтой.

Кристиан провел рукой по лицу. В отличие от Гогена, он никому и ничем не был обязан. И мог реализовать свою мечту гораздо быстрее, чем великий Гоген...

– Девушка, вы не скажете, который час? – О, как же Кристиан Расмуссен ненавидел себя в эту минуту, когда задавал этот, по его мнению, самый пошлый в мире вопрос! Но что он мог поделать? Пять минут назад он увидел эту девушку и сразу потерял голову. Она сидела в одном из баров Смиттона – маленького городка, который находится в прямом смысле на краю света – на острове Тасмания, куда он случайно забрел, почувствовав усталость от длительной пешей экскурсии. Девушка собиралась расплатиться за чашечку кофе и, найдя в сумочке нужную купюру, протянула ее официанту. В этот момент Кристиан ясно увидел ее глаза. Это были удивительные глаза – ярко-зеленого цвета, сверкавшие, как настоящие изумруды.

А густые темно-рыжие волосы и веснушки делали лицо девушки просто неотразимым. Как загипнотизированный, Кристиан вышел за ней на улицу и, нагнав, задал свой идиотской вопрос.

Девушка внимательно посмотрела на его левую руку и, заметив на запястье черные электронные часы в резиновом корпусе, ехидно ответила:

– Думаю, вы отлично это знаете и без меня, сэр. – Она резко повернулась на каблучках рыжих кожаных полусапожек, в которые были заправлены выдавшие виды джинсы, и пошла вдоль белой изгороди. Изгородь начиналась сразу у входа в бар «Толстый Гарри». В конце ее стояла привязанная лошадь.

Девушка подошла к ней, ласково погладила по морде и, достав из кармана кусочек сахара, протянула лошади. Потом она ловко вскочила в седло и пустила лошадь в галоп. Кристиан подумал было, не побежать ли за ней, но куда там... Всадница быстро исчезла, растворилась на фоне бескрайних пшеничных полей, а Кристиан еще долго стоял и смотрел, как оседает на землю облачко пыли, поднятое стремительным скакуном.

– Ну что, парень, и ты стал пленником чар нашей Маргарет? – вдруг раздался позади Кристиана чей-то хриплый бас.

Кристиан Расмуссен вздрогнул и резко обернулся. Он увидел маленького, толстого, смешного человечка с красным лицом. Похожий на кирпичный цвет лица и огромный выпирающий живот доказывали, по мнению Кристиана, что старик больше всего на свете любит пиво. Кристиан прищурился. Если купить ему пива, то наверное, будет совсем нетрудно разузнать побольше об этой рыжеволосой красавице на быстроногом скакуне.

– Так вы ее знаете?

Толстяк пожал плечами:

– Тот, кто увидел ее хотя бы раз, уже никогда не забудет ее. Я думаю, ты сам это уже понял, парень.

Кристиан Расмуссен предательски покраснел. Да, рыжеволосая красавица произвела на него неизгладимое впечатление. Хотя он видел ее меньше минуты. Он еще раз взглянул в сторону горизонта. Нет, никаких следов девушки на лошади не было видно.

Она исчезла, растворилась. Зато толстяк стоял прямо перед ним, и, похоже, только и ждал, чтобы он пригласил его в бар.

– Что-то здесь уж больно жарко, – протянул Расмуссен. – Не хотели бы промочить горло? Я угощаю.

Толстяк и не думал отказываться:

– Я уже понял, что наше местное пиво тебе очень понравилось. Такого не найдешь ни в Сиднее, ни в Мельбурне. Все – только натуральное, не то, что на крупных пивоваренных фабриках, где в пиво мешают невесть что. – Он похлопал Кристиана по плечу, хотя сам едва доставал до него. – Пошли. Но предупреждаю: меньше, чем двумя кружками, ты не отделаешься. В такую жару одна кружка будет только насмешкой!

– Я согласен, – с облегчением пробормотал датчанин.

Они зашли в полутемный бар. Расторопный официант тут же поставил перед ними пиво. Холодное, в высоких запотевших кружках, оно так и манило к себе. Кристиан сделал глоток и взглянул на старика, не зная, с чего начать. Прямо спросить его, где живет Маргарет? Но не будет ли это похоже на то, что он слишком торопится?

– Сам-то ты откуда, парень? – спросил его старик.

– Я – датчанин, – с облегчением ответил Кристиан. Что ж, старик сам начал разговор, теперь все пойдет легче.

– Кто только сюда не приезжает, – перебил его старик. – И датчане, и шведы, и французы, и, конечно, эти вездесущие японцы и корейцы. – Он прищелкнул в воздухе пальцами. – Тасмания – дивное местечко. И совсем неисхоженное. Всех сюда тянет. – Он одобритительно посмотрел на Кристиана. – А теперь ты убедился в том, что и пиво тут у нас – тоже отличное!

– Это точно, – пробормотал Кристиан.

– Хотя вы у себя в Дании тоже должны знать толк в пиве, – кивнул старик. – Несколько лет в Австралии все углы были заклеены рекламой вашего пива – кажется, «Тюборга». Или «Карлсберга». Впрочем, это не важно. – Он ухмыльнулся. – Мы все равно предпочитаем наше, местное. – Он в упор посмотрел на Расмуссена. – А что тебя принесло сюда, парень? Начитался путеводителей, расписывающих

тасманийскую экзотику, и решил махнуть на край света, чтобы увидеть все своими собственными глазами?

– Не совсем. – Кристиан улыбнулся. – Дело в том, что у нас в Дании Тасманию уже давно не считают «краем света». Точнее, с того самого момента, когда наш кронпринц Фредерик влюбился в жительницу вашей Тасмании по имени Мэри Дональдсон и женился на ней. С этой минуты ваш остров стал как будто гораздо ближе к Дании. У нас вышла куча фильмов и книг про Тасманию. Мы знаем о ней теперь больше, чем даже о некоторых соседних европейских странах, которые расположены на одном континенте с нами.

– Это хорошо, – кивнул старик. – Тасмания – замечательный остров, так что вы не прогадаете. И ваш кронпринц тоже не прогадал, женившись на Мэри. Тасманийские девушки – не только очень красивые, но и очень хорошие. Верные, преданные, любящие. – Он хитро улыбнулся и подмигнул Кристиану. – Надо только суметь завоевать их любовь.

Кристиан нахмурился. Все верно... любовь надо сначала суметь завоевать. Но для этого надо хотя бы узнать, где именно живет предмет твоей любви.

Старик покончил с первой кружкой пива и взялся за вторую.

– Наша Мэри будет прекрасной королевой вашей Дании. Вы не пожалеете. – Его глаза сверкнули. – Ведь именно это ожидает ее, не так ли?

– Конечно. Мы все полюбили ее уже сейчас. А после того, как Мэри родила принцу двух замечательных детей – сына Кристиана и дочку Изабеллу, а потом еще двойняшек Винсента и Йозефину, мне кажется, ее популярность сравнялась с популярностью самой правящей королевы... – Кристиан на мгновение запнулся. – Я несколько раз стоял в карауле, когда Мэри выходила на королевский балкон, чтобы поприветствовать публику во время официальных церемоний, и видел, как люди смотрят на нее. Они просто обожают свою принцессу!

– Ого! – Старик присвистнул. – Значит, тебе доводилось стоять в карауле у дворца? Ты что же, получается, королевский гвардеец?

– Получается, что да, – несколько смущенно признался Расмуссен. – Так что и королеву Маргрете II, и кронпринца Фредерика, и принцессу Мэри мне доводится видеть гораздо чаще, чем остальным людям.

– А теперь ты решил своими собственными глазами взглянуть на тот край, откуда приехала к вам принцесса Мэри? – Старик испытующе посмотрел на Кристиана.

Датчанин кивнул:

– По службе мне полагается очень короткий отпуск, но я полетел не во Францию или в Италию, а на Тасманию, чтобы увидеть своими глазами это волшебное место, увидеть Хобарт, где она родилась...

– А увидел зеленоглазую Маргарет и потерял голову, – понимающе закончил старик. Расплывшись в улыбке, он с явным удовольствием отхлебнул пиво из запотевшей кружки. – У нас тут много красивых девушек, но Маргарет – это что-то особенное. – Старик понимающе похлопал Кристиана по колену. Из-под его кустистых бровей блеснули очень внимательные серо-голубые глаза. – Но не буду тебе ее расхваливать. Если она позволит тебе за ней ухаживать – сам все поймешь. А теперь расскажи мне о себе, о своей семье. Ведь не только вас теперь интересуется далекая Тасмания, но и нас, тасманийцев, – далекие датчане.

Кристиан чуть погрустнел.

– Рассказывать особенно не о чем, – со вздохом признался он. – Родился в Копенгагене, столице Датского королевства. Мне 22 года. Дед и отец – военные. Правда, дед давно в отставке. Теперь он живет на ферме, разводит лошадей. А отец погиб два года назад в Ираке, подорвавшись на mine, установленной боевиками. Мама – простой клерк в отделении «Ден Данске Банк», воспитывает моих младших брата и сестру. Сам я, как вы поняли, сейчас тоже военный, поскольку служу в королевском полку.

– Да, ты говорил мне, – кивнул старик – И как же ты туда попал? Это, наверное, было нелегко?

– Верно, чтобы попасть в этот полк, необходим определенный рост, внешность, отменное физическое здоровье вообще и отличное зрение в частности. – Он пожал плечами. – То, что я – из семьи